

МАЛЬЧИК ИЗ АУЛА САХИЗАР

«А сейчас нужно одно: сохранить ясность мысли до утра, когда я снова возьмусь за работу».

(Эрнест Хемингуэй. «Праздник, который всегда с тобой»).

Писать о человеке — задача трудная. Любимый человек сложен, тем более художник, объясняющийся с миром на языке музыки. Но мы все же попытаемся рассказать читателю о жизни и творчестве нашего современника. Нам есть что сказать об этом человеке. Он молод духом. А впрочем, именно эта молодость определяет возраст каждого из нас. Многие годы отданы искусству, уже много сделано, но он не любит думать о свершенном, ибо только в гуще работы, в самые горячие ее моменты он спокоен внутренне. Как ни парадоксально, он отдыхает, работая, и огорчается, если день не подарил вдохновения. А работает композитор всегда, везде, где бы ни был, потому что музыка стала смыслом всей его жизни.

Илья Гаврилович Габараев родился в ауле Сахизар Южной Осетии. Предки любили труд. Крепкие и здоровые, они выкорчевывали лес, сажали картофель, сеяли кукурузу. Илья сделал свой первый шаг, когда страна вступила в первую пятилетку, а отец

вписал в собственность первого колхоза свой участок.

— У нас был деревянный дом, разделенный надвое. В одной половине жили мы: мама, брат и я, а в другой — корова и несколько овец. Нас разделял плетень. В нашей половине был очаг. Он топился угольков мать пекла крепкий хлеб отцов — чурек, кипятила молоко, и когда оно остывало, — покрывалось желтой, румяной корочкой... А чурек был в пыльце золы, ломался с хрустом, и из него шел теплый, густой пар...

..Он был еще юнцом, когда трагически оборвалась жизнь матери. Брат погиб на фронте. А маленький Илья в соседнем ауле Жрия знакомился с букварем и мудростью первых учителей. Пять километров туда, в школу и пять обратно мимо мельницы, кладбища, болтливых речек, кражей и холмов, шелковистых летом и ослепительно белых зимой.

Отцу предложили работу в Цхинвали, и они переехали в город. Ранним сентябрьским утром в одну из местных школ явился худенький мальчик, с лицом, слишком серьезным для юнца девяти лет. На ногах его были чуйки, а в непомерно коротких брюках из синего шевота он был похож на грустного петушка. Здесь перед ним открылся мир книг, и здесь же произошла трогательная встреча с «черным ящиком», который стоял в сырой, маленькой комнатке-пристройке.

Ящик был весь в пыли и шерстинках, но если приоткрыть створку, то... Мальчик не шевелился,

почти не дышал: белые и черные полоски (это были клавиши) заворожили его. — Он поглядел полоски — пальцы провалились, как в масло, и возник звук — один, второй... Улыбка тронула его губы, а через минуту он уже «играл» свою самую неуклюжую, но «симфонию» открытия.

Это была любовь с первого взгляда, таинственная и тайная для всех, кроме него и этого чуда...

Однажды было обнаружено, что какой-то «злоумышленник» похитил все клавиши. Это был Илья. Он лихорадочно спрятал их за пазуху, прибежал домой, разложил и начал нажимать, но, увы, они только стучали...

Вспоминая этот эпизод, композитор улыбается, и лицо его светится, будто это произошло сейчас, сию минуту.

— Не быть бы мне композитором, если бы не Галаев, Борис Александрович Галаев. Он был руководителем государственного ансамбля песни и танца. Мы с Христофором Плиевым играли у него на доврах. Этому человеку я обязан своей яростной любовью к музыке.

Лучшие годы своей жизни Илья провел в Ленинграде.

— Ленинград занимал мое воображение, и вопрос о том, где учиться, был для меня решен раз и навсегда. Я не ошибся. Городок в глухомани-гор, провинциальный и тихий, — и ослепительный Ленинград. Перепад резкий, как внезапный порыв ветра. Я захлебнулся. Меня сшиб с ног ритм большого города, его люди, вели-

колепный «Исакий», Балтика, быстрые афиши, театры... И все это было доступно — меня не хватало...

Училище при консерватории, потом консерватория, класс композиции. Десять лет учебы, десять лет настойчивости, которой можно позавидовать. Отца давно нет. Он скончался, когда Илья закончил школу. Завота о хлебе насущном плечом к плечу идет с творческим дерзанием, с постоянной неудовлетворенностью собой. И, быть может, в этом причина неизмеримой концентрации воли и того жизнелюбия, которое отличает людей, знающих суровый реализм жизни. Разгрузка вагонов, работа в годы восстановления города Ленина, преподавание, учеба... Илья учился отлично. Чай, просто кипяток с куском хлеба (хлеб из концентратов, по карточной системе) был порой и завтраком, и обедом, и ужином. Со второго курса консерватории он получает стипендию Чайковского и берет напрокат инструмент, чтобы больше работать.

Пожизненно признателен Галине Уствольской (педагог по композиции в училище) и профессору Кушнареву (педагог по композиции в консерватории).

— Галина Уствольская чувствовала эволюцию и время. Ей была близка современность своей стремительностью, она верила в гений, в то, что и современная музыка может быть классической и потрясать души, как творчество великих маэстро прошлого. Это была смелая женщина. Она верила в поиск, приветствовала дерзость,

помогала ломать и строить...

Христофор Степанович Кушнарев (добряк, мудрец, приглашал студентов домой, за всю жизнь не сказал одного грубого слова) учил сжимать пружину, чтобы, разжимаясь, она несла силу большую.

Профессор обошел и объездил всю страну, мог безошибочно определить географию любого произведения, знал напевы и мелодии республик и стран, о которых порой не имели представления коренные жители. Он учил бережно относиться к национальному в му-

зыке, говорил о полифонии, как о методе, приеме необыкновенного охвата действительности. Был противником догматического подхода к музыке и не терпел «декораторов», представляющих гармонию, как простую сумму «благородных созвучий»...

Илья живо впитывал в себя все, что было интересным, а интересным было все: и лекции, и работа за инструментом, и живые краски полотен Эрмитажа, и строгая, величественная архитектура с барельефом и скульптурой, вызываю-

щей в памяти времена античности и Возрождения.

Наш рассказ о жизни композитора может быть интересен. Но темой, искрой, побудившей заговорить о нем, явилась не биография, а его творчество. Илья начитан и эрудирован. У него хорошая память и незаурядная способность ориентироваться в потоке той информации и ассоциаций, которыми захлестнул нас этот бурный и интересный век. Все это, в сочетании, дает ему возможность писать музыку интересно и содержательно. Но есть еще одно измерение, без которого любое произведение дидактично и неинтересно, это — глубина переживаний. Понимать и чувствовать — понятия порой разные, особенно в искусстве. Мы, например, прекрасно понимаем фавулу «Отелло». Она проста, и вряд ли есть на свете человек, которого в этой трагедии удивил сюжет. А что же нас заставляет страдать? То, что в параметрах этого факта, — штурмовая сила чувств к любимой женщине и ураганная сила ревности к ней. И чем сильнее эта сила — тем мощнее эмоциональный накал, и, понимая, мы страдаем.

Тема человека — тема древняя и необъятная. Мир для Габараева — лаборатория, в которой он изучает человека, его природу, поступки, его связь с землей и всем тем, что сопутствует нам в нашей жизни. Здесь истоки гармонии и ощущение живого, настоящего... Верить, очень сильно верить. Так возникает прочный контакт автора с аудиторией.

Музыкальные образы Габараева

И. Г. ГАБАРАЕВ.